

После обильной трапезы Лин Цимин вернулся в свою комнату. Он ворочался в постели, его мысли путались и скакали, словно перепуганные птицы. Не зная, сколько раз он сменил позу, он наконец погрузился в глубокий сон, когда луна достигла своего зенита. Огни в огромном поместье постепенно гасли, и лишь тонкий свет луны серебристой пеленою расстился по земле, едва освещая дорогу под ногами. Дверь в главной спальне на втором этаже замка приоткрылась, и стройная фигура приостановилась, оглядывая своего бездействующего мужа. Элизабет приподняла юбку на каблуках и, босиком ступая по спиральной лестнице, потихоньку пошла вниз. Она останавливалась, оборачиваясь через несколько шагов, опасаясь, что кто-то вдруг выйдет посреди ночи и столкнется с ней. Когда лунный свет коснулся её лица, оно приобрело неземное очарование, но её крадущиеся шаги лишь разрушали эту гармонию, придавая всему происходящему оттенок кражи. Элизабет стремительно добралась до внешнего конюшни, где, уцепив себя за горло, попыталась подражать утреннему зову сов. — «Ух, ух, ух!» — раздалось в тишине. На следующий момент из конюшни выскочил распушенный мужчина с неопрятными волосами, но с четко очерченными чертами лица, и, не раздумывая, крепко обнял Элизабету за тонкую талию. — «Дорогая Элизабет, я думал, ты сегодня не придёшь!» — «Ты не представляешь, как сильно я по тебе скучала. Каждый раз, когда вижу, как Джон держит тебя за руку, мне хочется вонзить вилы ему в зад!» — воскликнула она, выказывая свою ревность. Он попытался поцеловать её, но Элизабет задержала его губы рукой. — «Томас, в твоей голове только грязные мысли. Я пришла сказать тебе, что Джеймс выздоровел!» Она надеялась, что эти слова поднимут человеку настроение. Но Томас Логан лишь неохотно ответил, свернув губы в гримасу. — «А что с того? Ты смеешься над собой, если думаешь, что я могу любить его, зная, что его биологический отец — садовник?» — «Джеймс никогда не называл меня отцом с детства, но ты хочешь, чтобы я любил его, как родного. Элизабет, я не могу этого сделать. Не кажется ли тебе это абсурдным?» — «Ты наконец вышел из тени, давай забудем все неприятности и просто будем счастливы!» Он крепко обнял Элизабету и, наклонившись, страстно поцеловал её тонкие красные губы. Но его рука, скользя по её нежной спине, начала незаконно щипать молнию её длинной юбки, готовясь стянуть её вниз. Дыхание становилось всё тяжелее, словно сухие ветки были готовы вспыхнуть от искры страсти. — «Ай, за что ты меня укусил?» — воскликнул Томас, почувствовав резкую боль на нижней губе. Он инстинктивно отпустил её и дотронулся до кровавого следа на пальцах, его злость, подпитываемая вредным запахом крови, нарастала. Элизабет вытерла кровь с губ, её яркие голубые глаза наполнились разочарованием и горечью. — «Томас, ты меня очень разочаровываешь. Разве ты любишь только моё тело?» — «Джеймс наш сын, но тебе было не удобно приходить к нему, когда он болел. Я пришла, чтобы сказать, что он выздоровел, а ты лишь и думаешь, как бы овладеть мной!» Как мать, она просто не могла принять такую жестокую правду и поняла, как слепо она отдалась садовнику, втайне встречаясь с ним, не сказав об этом своему мужу. — «Я думаю, нам не следует встречаться снова. Если ты не любишь Джеймса, просто держи наши отношения в тайне!» — «Он унаследует фамилию Хоуллетт и большой семейный бизнес, станет джентльменом высшего общества, а не садовником с грязными мыслями!» С каждым словом Томаса гнев только нарастал, и его крайний комплекс неполноценности перерастал в тиранию. — «Госпожа, ваши слова явно противоречат вашим действиям шесть лет назад, не так ли?» Элизабет не могла ответить. Ошибки её молодости было не поправить. Она испытывала страх, что секрет может быть раскрыт, и её сын Джеймс потеряет статус благородного человека. Она могла лишь тихо умолять. — «Я прошу тебя, Томас, ради Джеймса, эту ошибку нельзя продолжать!» Но никто из них не заметил высокого, крепкого силуэта, скрывающегося в тени последнего стойла. В темноте его зрачки излучали тусклый коричневый свет. — «Джеймс мой ребенок, и я хочу быть хорошим отцом. Но будет ли у меня шанс?» — «Его фамилия Хоуллетт, а не Логан!» Томас Логан и Элизабет боялись друг друга, тихо перепираясь, не желая привлекать лишнего внимания. Вдруг раздался звук, будто что-то ударило о дерево, прерывая их спор. — «Кто там? Выходи!» — отозвался Томас, встав с места, схватил деревянную палку и направился к

глубине конюшни. Лицо Элизабеты сразу побледнело, как бумага. Она вскочила с сеновала, пытаясь воспользоваться моментом и сбежать от него. Лунный свет не освещал путь, и она споткнулась, пытаясь бежать в порванной юбке к замку. После тщетных попыток обследовать каждый угол конюшни и не найдя никого, Томас не сдержал злобу и вернулся обратно, разъяренный. — «Проклятый ублюдок! Если я найду того, кто подкрался к конюшне в эту ночь, я засуну ему голову в кормушку!» После того как он выплеснул свою ярость, Томас вернулся в свой дом с угрюмым лицом. Схватив не допитый бренди на столе, он стал вспоминать счастливые дни, проведенные с Элизабет. После нескольких глотков крепкого напитка неутолимая страсть всё больше поднималась к голове. Томас Логан перевернулся с жесткой постели, снял висящий на стене дробовик и, подойдя к двери комнаты своего сына, громко постучал и закричал: — «Выходи, ты, маленький ублюдок, и иди с отцом в замок!» Когда деревянная дверь распахнулась, из неё вышел высокий и крепкий юноша. Его внешность всё ещё сохраняла детские черты, однако он уже был значительно выше и сильнее своих сверстников, могуч, как горный тигр. Томас хлопнул сына по широким плечам и начал нести чепуху в пьяном угаре. — «Мой хороший сын Виктор, послушай, самая прекрасная женщина должна принадлежать сильнейшему мужчине!» — «Иди с отцом, давай вернём Элизабету, и я дам тебе брата или сестру, чтобы наша семья Логанов становилась крепче!» Он поковылял из двери с дробовиком в руках, а Виктор Логан следовал за ним с диким выражением в глазах. Они тихонько пробрались в замок, не тревожа стражей, живущих неподалёку. Будучи старыми слугами семьи Хоулетт более двадцати лет, они знали, что любой из мушкетёров мог без труда убить их. Взобравшись по спиральной лестнице на второй этаж, Томас взглянул на третий и поёжился. Слава о Кровавой Песне не была преувеличена, его свирепость, закаленная кровью и огнём, олицетворяла реальную войну с аборигенами и сразила бандитов, скрывающихся в горах и лесах. Виктор заметил трусость отца и усмехнулся с ехидной усмешкой. — «Отец, давай забудем. Старик Хоулетт не такой простофиля!» Он произнес это намеренно. Поняв, что его юный хозяин на самом деле его сводный брат, в нем за одну ночь закрались ростки зависти. Сегодня был удачный момент, чтобы сбить Джеймса с его небесных высот на низы. Виктор Логан не позволял своему трусливому, но гордому отцу отступать, намеренно подстёгивая его страхом перед могучим Хоулеттом. — «К чёрту кровопийцу, а что там старый Хоулетт? Я могу одним выстрелом отстрелить ему голову!» Возможно, это был алкоголь, который придавал ему смелости, или страсть, заставляющая его терять голову; он не желал терять лицо перед сыном. Томас находился в ступоре, и, подойдя к двери мастерской спальни, распахнул её с ногами и закричал: — «Элизабет, иди со мной, я уведу тебя далеко!» Элизабет, только что переодевшаяся, испугалась и вскочила с постели. Громкий шум разбудил пьяного Джона Хоулетта; он потерял глаза, всё ещё недоумевая. — «Томас, ты с ума сошел? Почему ты пришел ко мне так пьяным среди ночи?» Лин Цимин в гостевой комнате тоже проснулся от шума. Он встал с постели, открыл дверь и быстро вышел на второй этаж. Старик Хоулетт, возможно, потому что был истощен и выпил, просто перевернулся и не проснулся, пока не раздался глухой выстрел, разбудивший его, особенно чувствительного к выстрелам. Он бросился под кровать, вытащил короткоствольный дробовик из тайного отсека, тщательно зарядил его и поспешил вниз. Второй этаж был местом жизни вторых и третьих поколений семьи Хоулетт, здесь не было места для неприятностей. Только он ступил на коридорный пол второго этажа, как послышался ещё один выстрел, а вскоре раздались волны мужских стенаний, полных муки, словно их пытали в аду. Старик Хоулетт добрался до спальни, запыхавшись, и увидел сцену внутри. Его щеки задрожали, серые волосы подскочили, и он уставился на ворвавшихся в замок Логанов, не в силах вымолвить ни слова. — «Ну и ну, вы двое такие амбициозные, что зашли в замок с оружием. Вы собираетесь восстать?» После его ругательств он заметил, что его сын Джон Хоулетт стоял как громоздкий столб с тупым взглядом. У него не было ни капли гнева из-за вторжения в его владения; он выглядел как неудачник, который потерпел поражение в неравной борьбе за супругу. Наконец вызванный доктор, чтобы вылечить его внука, схватил Томаса Логана одной рукой, а Виктора — другой. Всё ещё дымящийся дробовик

упал у них под ноги.— «Мистер Лин, вы понимаете, что произошло?» Слыша вопрос старика Хоулетта, Лин Цимин покачал головой. Когда он добрался до места происшествия, ему лишь хватило времени, чтобы отклонить пулю, нацеленную в Джона Хоулетта, и затем его застрелил Томас Логан. Если бы не его быстрая реакция, он был бы ранен в грудь. Старик Хоулетт почувствовал недоброе предзнаменование и с недоверием взглянул на свою невестку, свернувшуюся в углу.— «Скажи мне правду, Элизабет, почему Логаны убили Джона?» Элизабет обняла свои волосы, рыдая от безысходности.— «Я не знаю, не знаю, я ничего не знаю!» Её паническое выражение и слова уже начали наталкивать хитроумного старика Хоулетта на мысль, но с возрастом он утратил решительность своей молодости. Он в последний раз посмотрел на Томаса Логана с надеждой.— «Томас Логан, ты проработал на усадьбе более двадцати лет и прекрасно знаешь мои методы,» — «Если ты не скажешь мне правду, у меня есть множество способов заставить людей желать жить, но не умирать. Сейчас я даю тебе шанс, не думай, что смеешься надо мной и обманываешь меня!» Томас Логан опустил голову, не смея смотреть ему в глаза, и плотно сжал губы, ничего не говоря. С другой стороны, Виктор Логан, также поднимаемый в воздух, слегка усмехнулся, хотя его щеки были покраснеть, как будто excitement завладел им, особенно когда он увидел своего завистливого брата Джеймса Хоулетта, появившегося у двери, он расхохотался.— «Ха-ха-ха, Джеймс, ты наконец пришёл!» — «Мой дорогой брат, ты не поздоровался с собственным отцом, когда увидел его?» Старик Хоулетт покачнулся несколько раз, ему едва не стало плохо. В этот момент Джон Хоулетт пришел в себя, протянул руку, поддерживая отца, и свирепо посмотрел на двоих жуликов, пренебрегающих его семьёй.— «Томас Логан, я не оставлю тебя в покое, включая твоего уродливого сына!» — «Если бы мой отец не взял тебя к себе, ты бы умер от голода в пустыне. А сейчас ты завлек мою жену и родил bastard'a. Моя семья Хоулетт никогда не потерпит такого позора!» Услышав эти слова мужа, выражение Элизабеты стало ещё более мучительным. Она упала к ногам Джона Хоулетта, обняла его за бёдра и умоляла.— «Нет, не делай этого, Джон, Джеймс невинен!» — «Он уважает тебя и твоего отца, и гордится тем, что является членом семьи Хоулетт. Ты не должен так к нему относиться. Я прошу тебя простить все свои грехи и не вини Джеймса!» Молодой Росомаха Джеймс Хоулетт наблюдал за перепалкой нескольких людей и пытался понять правду из их слов. Его зрачки сжались до размеров игольного конца, и свирепая сила наполнила каждую мышцу. Он закричал на всех.— «Какие у вас ужасные лица! Мне надоело это грязное место!»